

Игорь Карлов

(г. Серпухов, Московская область)

**«...И НА ЗЕМЛЕ УЧИТЬСЯ ЖИТЬ,
КАК ЧЕЛОВЕК...»**

(Рубрика «Литературный телетайп»)

Очередное включение «Литературного телетайпа» захотелось сделать не совсем обычным. До сих пор мы вызывали на связь поэтов и прозаиков, работающих за рубежами нашей страны, старались приблизить к русской аудитории творчество географически удаленных от нее авторов. А вот теперь попробуем совершить путешествие не в пространстве, а во времени. Мне кажется, это будет не менее увлекательно и познавательно.

Не стану напускать на себя вид чародея, изобретателя машины времени. Речь, конечно, пойдет не о перемещении в пластах хроноса, а о книге, оказавшейся у меня в руках. Свежее, 2016 года, стодвадцатистраничное издание в «мягкой» обложке, вполне реальная и осязаемая вещь. И все же мне показалось, что, прочитав этот сборник лирики и прозы, я одним глазком заглянул в будущее, увидел смутные очертания одного из возможных его вариантов, к осуществлению которого можем быть причастны все мы. Не подумайте, что я говорю о фантастических проектах межгалактических исследований, о глобальном преобразовании человечества. Нет, интересующая нас версия грядущего (если она вообще имеет шанс быть претворенной) не окажется столь масштабной. Но не с малого ли начинается большое? И если в жизни одного человека становится больше творчества, добра и правды, то не станет ли лучше вся Вселенная?

Подчеркну: особенный интерес к выпущенному в Туле сборнику «Между небом и землей» вызвал возраст автора — 16 лет. Зовут дебютанта (точнее, дебютантку) Анна Самошина. Как часто мы с досадой констатируем, что подрастающему поколению безразлична литература, чуждо чтение, неинтересна культура в целом. Для нашей страны, возросшей из книжности, такое положение вещей является предвестием беды. На мой взгляд, индифферентность молодежи по отношению к культурному коду русской цивилизации — серьезнейшая проблема современности, таящая угрозы больше, нежели политические и экономические катаклизмы. А потому каждый обратный пример воспринимается доброй приметой, знаком того, что не все потеряно. И вот перед нами первое обращение к читающей публике юной поэтессы, доказательство присутствия в молодежной среде чувства и интеллекта, непрерывной созидательной работы души: ведь не листовка, не четверостишие в альбоме — книга, по-

требовавшая не одного года творческой самоотдачи; притом книга, в оформлении которой использованы рисунки самого автора. Этому нельзя не порадоваться.

Безусловно, сборник «Между небом и землей» содержит неравнозначные по художественному уровню произведения. Часть стихов так и застряла «между», не дав ничего ни возвышенной части души, ни той ее части, что обращена к грешной земле. Я не сторонник скидок на возраст и отсутствие опыта. Литератору без различия количества прожитых лет и количества публикаций необходимо быть требовательным к себе. По прошествии лет Анна Самошина (если сохранит интерес к литературной работе) многие свои лирические опыты станет воспринимать как наброски, черновики — не более того. Но дебютное свое издание пусть непременно оставит на книжной полке, чтобы наглядно видеть, как происходит взросление. Это и читателям может быть небезынтересно. Листаешь страницы и понимаешь: вот неумелая попытка версификации, предпринятая подростком 10—13 лет; вот перепев с чужого голоса... Но иное стихотворение напомнит (да простится мне излишняя комплементарность) юношеское вдохновение «Вечернего альбома» восемнадцатилетней Марины Цветаевой.

Разумеется, и темы, волнующие начинающую поэтессу из Тулы, это во многом традиционные темы женской поэзии, прежде всего — темы семейные. Не раз на страницах сборника «Между небом и землей» возникают образы мамы, отца, сестры... Пожалуй, эти образы можно назвать сквозными, формирующими систему координат юного автора:

*Что такое семья?
Я отвечу, хоть я и спросила:
Что такое семья?
Это самая мощная сила!*

Заботливая, понимающая мама, без которой невозможно представить себе ход жизни. Отец, поздно приходящий с работы, но при этом способный зарядить всех домашних оптимизмом... Мать и отец. Главнейшие люди в жизни каждого из нас. Прекрасно, что дружная семья, в которой царит любовное приятие друг друга, стала одной из тем шестнадцатилетней поэтессы. Это означает, что и в своей будущей семье она воссоздаст тот свет и тепло, которые так дороги ей в отчем доме.

А пока для девушки актуальнее другое — поиски любви. Согласитесь, странно было бы, если бы юная поэтесса не писала о вечном, но всякий раз заново переживаемом чувстве. Следует сказать, что Анна Самошина демонстрирует нетривиальное раскрытие темы. Любовь в ее стихах приходит по воле слепой судьбы, предстает тем, что трудно переживать, тем, что, возможно, хотелось бы не испытывать, пропустить мимо себя. Действительно, подчас и взрослому человеку легче согласиться с досужими толками: мол, нет любви, все выдумки романтиков. Но приходит она и властно заявляет о себе: «Я есть!» И спорить бесполезно. Сложность эмоционального мира А. Самошиной отразилась в интересной метафоре: любовь — мед с волчьей ягодой. Да, любовь в ее лирике чувство непростое, но всегда сильное и настоящее.

Интересно, что в сборнике «Между небом и землей» темы глубоко личные соседствуют с гражданской тематикой. Автор пытается проникнуть в духовный мир солдат Великой Отечественной войны, с уважительной теплотой пишет о ветеранах, живущих сегодня рядом с нами. Но не только великое прошлое питает патриотизм и гражданственность. Одно из стихотворений называется «Сестра Украина». Уже одно только это название дает представление и о внимании к происходящему в мире, и о позиции автора.

Легко, светло, но вместе с тем капитально раскрыта в сборнике тема Родины. В стихотворении «О дорогах» перед нами предстает образ путника, многократно побы-

вавшего в чужих краях, но нигде и никогда не забывавшего о родной стороне. К нему, скитальцу, обращается автор, и сам, похоже, успевший вдохнуть пыль дальних дорог:

*Поспеши, домой воротись поскорей,
Ты заметишь, что дома и небо родней,
Дома воздух слаще иного вина,
Что испил ты в дороге своей сполна,
Только чтоб чудеса у порога найти,
Нужно было весь шар земной обойти.*

О формировании в молодежной среде именно такого патриотизма — не показного, чуждого бездушной официозности, естественного, словно дыхание, базирующегося на личном опыте и глубоко укорененных в сознании и душе убеждениях — должна быть постоянная забота и семьи, и школы, и государства. Чем больше станет у нас молодых людей, воспитавших в себе принципы, присущие внутреннему миру Анны Самошиной, тем увереннее начнет смотреть в будущее наше общество, наша страна.

А сколько тревог вызывает у думающих и совестливых людей допущенное нами же самими безоглядное поклонение современной молодежи культу золотого тельца! И тут творчество юной поэтессы вновь оказывается отрадным, хотя до обидного редким примером сопротивления русской души — на этот раз сопротивлению мертвящему меркантилизму. «Не все покупается и продается» — так называется одно из стихотворений сборника, стихотворение, в котором автору удалось не только искренне и убедительно раскрыть смысл вынесенной в заголовок поговорки, но и показать возвышающую музыкальность этой фразы, столь легко произносимой, но столь тяжело возводимой в жизненный принцип. Мы надеемся, что народная мудрость, осуждающая стяжательство, в дальнейшем станет духоукрепляющим рефреном, к которому на протяжении жизни будет обращаться и сама Аня, и те, кто войдет в число поклонников ее таланта.

Знакомясь со сборником «Между небом и землей», невольно обращаешь внимание на не часто встречающееся ныне качество автора — самостоятельность суждений, умение идти наперекор филистерским воззрениям, замусорившим умы большинства современников. В этом смысле показательно стихотворение «Жертвы системы». В нем Анна Самошина с пафосом революционера-романтика выступает против системы взглядов и привычек, оплетающих душу человека путами лени, безучастия, нечуткости. Юность вечно стремится к экстремуму, и вечно старшие опасаются молодежного экстремизма. Экстремальный спорт, экстремальное поведение, экстремальные политические убеждения молодых разрушают и их самих, и социум в целом. Но нельзя не поддержать присущую лучшей части нашей молодежи экстремальную духовность, экстремальную отзывчивость на чужую беду, экстремальную требовательность к себе.

Впрочем, не стоит представлять Анну Самошину этаким фанатичной поборницей трансцендентного, озабоченной исключительно политической злободневностью или мировоззренческим фундаментализмом. Нет, перед нами обычная девчонка, умеющая дружить и обожающая своих подружек, отчасти живущая в мире сказок, где ворожеи да травницы устраивают свою судьбу, любующаяся красотой природы и восхищающаяся преданностью четвероногих питомцев. Все как обычно. Все как положено.

Сложившаяся ныне в лирике извращенная тенденция заставляет стихотворца бравировать вывертами сознания и изломами психики (почти безнадежно уже отдалив лишенную подобных аномалий читательскую массу от экстраординарного версификатора). А. Самошиной, к счастью, подобная патология чужда. На фоне обнаде-

живающей нормальности автора сборника вырисовывается главная тема книги — обретение себя. И оказывается, что нелегкий процесс становления человека и литератора гораздо интереснее и значимее всевозможных отклонений, подsunутых нам под нос модными пиитами.

Лирическая героиня шестнадцатилетней поэтессы с жизнерадостной бойкостью и благоговейным вниманием открывает красоту окружающего мира и нам дает возможность заново пережить почти детское, почти забытое восхищение прекрасным. Наивное на первый взгляд желание «Обнять весь мир» (так называется одно из стихотворений) адресует нас к традиции русской поэзии восемнадцатого и девятнадцатого столетий, к традиции «Серебряного века», к нашим классикам, не стеснявшимся юношеского восторга перед мирозданием. Но этот переполняющий душу восторг не безотчетен, не бессознателен. Ребяческая радость бытия в сборнике «Между небом и землей» внутренне непротиворечиво дополняется серьезным, взрослым желанием разобраться в себе. Автор констатирует:

*Наверное, я все же немного другая,
И мне никогда не сродниться с толпой.*

В другом месте с самоиронией, редкой для присущего ее возрасту максимализма, называет себя «лохматое Нечто с глазами зелено-карими». Однако непохожесть не означает враждебность. Принимая все сущее, любясь лучшими проявлениями мира природы и мира людей, лирическая героиня сборника открывает для себя... себя саму. «И на Земле учиться жить, как человек» — эту строку я бы вынес в название книги, это желание хотел бы поддержать в авторе, в этом начинании пожелать успеха.

Поэтическая манера Анны Самошиной проста, доступна, во многом близка к разговорной речи. При всех плюсах подобного стиля он все же заключает в себе ряд опасностей, от которых следует предостеречь начинающего стихотворца. Во-первых, пластичность русского языка, его выразительность, проявляющаяся даже в обходных пластах лексики, не должна отвратить от кропотливой работы над словом. Неуклонное стремление проникнуть в суть родной речи, открыть в ней глубинные смыслы, сопряженные с идеей стихотворения, должно составлять постоянную заботу поэта. Во-вторых, нельзя забывать и об учительной роли литературного творчества. Каждый, кто берется за перо, должен по совести ответить себе на вопрос: имею ли я право обратиться к читателю? Воспитал ли я в себе нечто доброе и важное, достойное того, чтобы открыть это людям? Что я понял в себе и окружающих, чтобы поделиться своим пониманием? В этом отношении облегченность манеры письма может привести к соблазну панибратского заигрывания с читателем: я, мол, свойский, читая мои вирши, не перетрудишься. Думается, Анна Самошина, не раз в своих стихах показавшая себя личностью, способной не подстраиваться под массу, отстаивать собственные убеждения, не впадет в такой соблазн.

Нельзя не отметить начитанность Анны Самошиной, богатый словарный запас, широту кругозора. Все это не только лишний раз подтверждает наличие высоких духовных качеств у лучших представителей нашей молодежи, но и позволяет надеяться на плодотворное продолжение писательской карьеры автора рецензируемого сборника. Поэтому завершить анализ хотелось бы добрыми пожеланиями начинающему собрату по литературному цеху. Удачи, Аня!

Алексей Гусаков
(г. Тула)

ВОЙНА МИРОВ

Член Союза писателей России, автор нескольких книг поэзии, лауреат областной литературной премии имени Льва Толстого.

Приведу несколько выдержек из известной книги В. Авдеева, сделав упор на культурологическую составляющую этого труда, по мере возможности отбросив громадный политологический пласт, так как хотелось бы поговорить о культуре вообще и о литературе в частности.

...«Для определения психически дегенеративных людей, в том числе и среди политических преступников, Ломброзо предложил использовать термин *mattoide* — маттоид, что в переводе с итальянского буквально означает «помешанный»...

...Дегенеративные идеи всегда зарождаются в дегенеративных же мозгах, а их существование легко улавливается по общей дегенеративности конституции тела и психического поведения.

...Для определения... помешательства Ферри предложил использовать термин *pazzia ragionante*, что означает «рассуждающее сумасшествие». Сегодня, чтобы понять, что это такое, достаточно включить телевизор и послушать дебаты о легализации наркотиков и прославлении гомосексуализма или посетить сборище искусствоведов в модном салоне. Любое вручение крупных международных премий в области моды, киноискусства, литературы сегодня имеет политический оттенок с ярко выраженным привкусом маттоидности...

...Крупнейший немецкий невролог Освальд Бумке в книге «Культура и вырождение» (М., 1926) сформулировал тезис, согласно которому не только отдельные пласты творчества этнических и социальных групп, но и целые культуры в мировом масштабе бывают дегенеративными, то есть являются порождением больных мозгов. Он подчеркивал: «В обыденной жизни слова «вырождение» и «выродок» — равносильны моральной оценке, моральному суждению». Его русский коллега Г. И. Россоломо в своей программной книге «Искусство, больные нервы и воспитание» (М., 1901) выступил с недвусмысленным призывом: «Наука во всеоружии должна вступить за тех, кому грозит опасность от патологических течений в современном искусстве; она должна указать на тот вред, который может произойти как для нравственности, так и для состояния нервной системы, от разнузданности воображения, от культивирования и разработки болезненных мозговых процессов, от крайнего преобладания работы фантазии над деятельностью интеллектуальной». Мало того, классик русской, а позднее и советской науки призывал к «массовой гигиене эстетического восприятия». Все массовое современное искусство, телевидение, мода, а шире — и стиль мировосприятия с ценностными установками, то есть весь тип цивилизации, согласно установкам Россоломо и других классиков неврологии, должен быть при-

знан дегенеративным, порожденным деятельностью мозга, наследственно «анатомически изуродованных людей, которые вследствие своего анатомического уродства думают, чувствуют, ощущают, радуются и унывают иначе, чем нормальный тип современного человека», как отмечал Ломброзо...».

Соглашаться или нет с данными утверждениями, или соглашаться частично — дело сугубо личное, зависящее от собственного восприятия течений в современной культуре в соответствии с умственными способностями.

Несомненно одно: культура полностью зависима от морали, а мораль питается культурой. Людей, способных и могущих прилюдно указать пальцем на «голового короля», становится все меньше, а «голых королей» — все больше.

Человечество с дегенеративным восторгом загаживает планету, дырявит атмосферу, убивается за религии.

Сумасшедшие от науки упорно выращивают «черную дыру» прямо на Земле, меняют климат и скрещивают все со всем — для полного списка не хватит терпения.

Так стоит ли говорить о литературе, если нормы морали и здравого смысла отвергнуты и ошельмованы, и прилагаются немалые усилия, чтобы их более не существовало вовсе?

Премия за детородный орган, нарисованный на разводном мосту, глухонемая эстрада, реклама прокладок и голые лицедеи на государственных сценах — это нити одной громадной липкой паутины, затягивающей окружающее божественное, а снующие по этой паутине суетливые паучки норовят присосаться и ко внутреннему божественному каждого народа и человека.

Литература, к прискорбию моему, вносила немалые средства для достижения сегодняшнего положения своего.

В интернете я прочел высказывание одной женщины, буквально уже не вспомнить, но суть такова: в юном возрасте она восторгалась поэзией так называемого Серебряного века, но с возрастом вдруг ясно осознала, что все это — яд в изысканном фужере, из которого отравили и Есенина, и Клюева, и многих других, а разнузданность нравов тогдашнего бомонда могла соперничать с двором Калигулы.

Мне, признаюсь, прозрение той женщины не понять по той причине, что восторгов по тому поэтическому веку я не испытывал никогда, и пропагандируемых тамошних деятелей от поэзии прочел для ознакомления, чтобы больше о них не вспоминать. Какие душевные потрясения пережила читательница — представить не могу, но при этом отмечу, что не всем удастся высвободиться из паутины.

Предвижу серьезные несогласия с моим отношением к «гуру» нескольких поколений читающих писателей, но это должно быть интересно только им.

Тому, что имеем сейчас в поэзии, название придумают позже, если будет кому придумывать. Сейчас я не хочу сочувствовать людям, пишущим всевозможные хокку, танка и прочие верлибры — отсутствие мало-мальского таланта толкает и не на такие выверты, хотя у художников возможностей проявиться гораздо больше: от пятерни до пятой точки.

Золотой век поэзии сменил самопрозванный Серебряный, потом был, наверное, железный. Сейчас назовите как хотите, но деградация прослеживается.

Пресловутый прогресс — неправильно называемый регресс, и я очень благодарен тем поэтам, которые, каждый в силу своего умения, еще борются за человека нормального.

Разрушения империй всегда являются следствием разрушения мозгов правящей верхушки, и литература раньше всех улавливает и подхватывает этот губительный процесс. Сократы, вольтеры и чаадаевы легитимизируют вирус, а толпы последователей уже безбоязненно разносят его по организму.

Дегенерация литературы началась не вчера. Исполдволь, заряжаясь энергией самодовольства от противного созиданию нигилизма, озвучивая и подпирая словом кружки и партии, направления и течения, она прорвалась наружу и затопила просторы России после Февральской революции.

Процитированный выше Энрико Ферри точно заметил: «Партия — это безумие всех на пользу немногих». Этому безумию нужны были певцы, и оно их получило в избытке.

Бедный Блок лихорадочно бегал по книжным магазинам, чтобы выкупить и уничтожить весь тираж поэмы «Двенадцать», поскольку безумие не сумело окончательно овладеть им. Маяковский строчил во все стороны, только бы насытить распутную горгону, изначальный талант свой собственноручно растерзав на клеточки и лишившись безвозвратно душевного равновесия.

Такого сумасшествия литературы не знала история никакой страны, кроме России, и выдержать такое количество самонадеянных графоманов могла только Россия.

Исследователи той эпохи знают гораздо больше меня, что там творилось до той поры, пока обретший какую-никакую силу Сталин не загнал пенные струи в русло Союза писателей, где они продолжали булькать вроде как под присмотром.

Регресс всегда амбициозен, сумасшествие всегда безапелляционно и требует признания своей значимости. Думаете серьезно, что тому же Сталину было дело до какого-то очередного Мандельштама, он сильно интересовался творчеством Пастернака или не мог уснуть, пока не позвонит Ахматовой? Страшилки про преследования того же Мандельштама за унизительно бездарный опус «Мы живем, под собою не чуя страны...» рассыпаются тут же, стоит повнимательней ознакомиться с биографией Осипа.

Вообще, тема мнимого противостояния злого Кобы и свободолюбивых писателей того времени имеет целью подрисовать недостающего таланта через образ гонимых.

Серебряный век отравил русскую литературу, и поэзию в частности, и она не смогла продолжиться так, как имела бы самостоятельную возможность при любых других вариантах.

Вполне логично появление осколка поэзии в шестидесятые, в котором только Рождественский может похвастаться чем-то достойным.

Я намеренно опустил пропустил поэтов-фронтовиков — это отдельное явление.

Всякого, относящего себя к поэтам, по большому счету можно причислить к ирреальному, воображаемому. Воображение поэта играет большую роль, но когда оно возносится над интеллектуальной частью сознания и начинает доминировать, тут и начинается безумие, метафоры ради метафор, поток стихов о стихах, словесные сочленения, призванные не создавать ажурные конструкции, не подвластные тяготению, а растопыриваться во все пределы горами металлолома.

Яркий образец такого стихотворчества нам сполна представил Бродский, и последователей, как и почитателей, у него не убавляется, что добавляет лыка в мою строку.

Я не собираюсь дискутировать ни с кем по поводу мною написанного, ибо различия понимания поэзии всецело определяются различиями душевных порядков и состояниями умов, как я отметил выше.

Дабы не прослыть голословным, приведу примеры «рассуждающего сумасшествия», запечатленного в известных стихотворениях некоторых поэтов, помещенных в раздел классики.

*Лети отсюда, белый мотылек.
Я жизнь тебе оставил. Это почесть
и знак того, что путь твой недалек.*

*Лети быстрее. О ветре позабочусь.
Еще я сам дохну тебе вослед.
Несись быстрее над голыми садами.
Вперед, родной. Последний мой совет:
Будь осторожен там, над проводами.
Что ж, я тебе препоручил не весть,
а некую настойчивую грезу;
должно быть, ты одно из тех существ,
мелькавших на полях метемпсихоза.
Смотри ж, не попади под колесо
и птиц минуи движением обманным.
И нарисуй пред ней мое лицо
в пустом кафе. И в воздухе туманном.*

Преобладание воображения над интеллектом настолько велико, что доводит все стихотворение до абсурда.

Сообщив для начала несчастному мотыльку о помиловании, за что тот ему должен быть благодарен, автор, как видится, во всех иных случаях нещадно губивший всех собратьев насекомого, говорит о краткости предстоящего тому пути, но тут же разворачивает перед ним сады, провода, колеса, птиц, отчего путешествие вырисовывается явно намного продолжительнее объявленного.

Мало того, голые сады бывают ранней весной или осенью, когда мотыльки или еще не появились, или уже сдохли, и летать перед носом автора не могут, будь они трижды сумасшедшие.

Не буду говорить о мелких несуразностях.

Миновать птиц обманным(?) движением — контрольный выстрел в голову сего творения под зубовный скрежет «смотри ж».

Вообще, подобным авторам нельзя вменить в вину отсутствие логического поведения зрительной картины от начала до конца, ибо они к этому не способны, в чем можно убедиться на другом примере другого автора.

*Мело, мело по всей земле
Во все пределы.
Свеча горела на столе,
Свеча горела.*

*Как летом роем мошкара
Летит на пламя,
Слетались хлопья со двора
К оконной раме.*

*Метель лепила на стекле
Кружки и стрелы.
Свеча горела на столе,
Свеча горела.*

*На озаренный потолок
Ложились тени,
Скрещенья рук, скрещенья ног,
Судьбы скрещенья.*

*И падали два баимачка
Со стуком на пол,
И воск слезами с ночника
На платье капал.*

*И все терялось в снежной мгле,
Седой и белой.
Свеча горела на столе,
Свеча горела.*

*На свечку дуло из угла,
И жар соблазна
Вздыхал, как ангел, два крыла
Крестообразно.*

*Мело весь месяц в феврале,
И то и дело
Свеча горела на столе,
Свеча горела.*

Все хорошо, свеча горит, ничего не трогая до определенного момента.

Но тут на сцене появляется ночник. Не исключено, что это и есть та самая свеча на столе, но каким образом она умудряется закапать воском платье — вопрос, на который ответа не даст никто, включая автора.

Все красоты не стоят ничего сами по себе в отрыве от логики действий и явлений.

Не спорю, любой автор может заставить героев или предметы в своих творениях выглядеть нелогично, но всякая нелогичность в основе своей всегда содержит причину, отчего случилось так, а не иначе. Зрительный образ читатель пропускает сквозь свое восприятие действительного или фантастического и, ощущая малейшую ложь в подаче, теряет живой интерес к нему вкупе с сочувствием.

Дегенераты в поэзию проникли так глубоко, что даже остающиеся здравомыслящие поддакивают им, опасаясь идти не в ногу, или же попросту оставляют для себя спасительную формулу «нравится — не нравится», удобную для оправдания собственной инфантильности.

Русский язык до того велик и образен, что безостановочно выдвигает новых и новых поэтов лишь для того, чтобы они в нем одухотворенно утонули.

Отсутствия логических связей в произведениях сегодня или не замечаются читателем, или нахально выставляются творческой задумкой, основанной на неугомонной фантазии автора.

Всем провалам, недочетам, банальному косноязычию, нехватке интеллекта, откровенной неспособности выразить мысль в поэтической форме, выдается удивительная индульгенция их авторов, знаменательно подписанная — «сам дурак!»

Освоивший литературные поля дебилизм принимает такие изощренные формы, что даже вполне искушенному знатоку и, тем более, любителю не всегда удается распознать его очертания. Здесь опять невозможно обойтись без примера.

Стихотворение современного автора, неизвестного широкой аудитории, но от этого не менее амбициозного:

*Камни и буераки.
Дождь моросит с утра.
Нищие и собаки
Вместе вокруг костра.*

*Их обойду, пожалуй,
Посох держа в руке.
Булькает что-то в ржавом
Стареньком котелке.*

*Я им пока не нужен,
Я им — что нет, что есть.
Ждут, что послал на ужин
Отче Небесный днесь.*

*Дай Ты им хлеба, Отче,
Теплый подвал, где спят,
Дай им в осенней роще
Ягоды и опят!*

*Дай городским помойкам,
Свалкам — не оскудеть,
Чтоб на прохожих волком
Бешеным не глядеть!*

*Скоро засвищет вьюга,
Сядет у котелка —
Дай не зарезать друга:
Шарика ли, Пушка!..*

*Нищим, бомжам и ворам,
Пьющим из русских луж,
Гибнущим под забором,
Но не сгубившим душ:*

*Крови не проливалим
Финкой и кистенем,—
Отче, воздай как павшим
Воинам под огнем!*

Человек, совершенно серьезно и безоговорочно считающий себя поэтом немалой величины, также серьезно призывает Бога не разобратся с несправедливостью самого существования нищих людей, не изменить порядка вещей, при котором смогло быть возможным такое унижение в человеческом роду, а наполнить помойки кусками со столов таких же представителей рода человеческого. Просьба, милая сердцу каждой бродячей собаки. Здесь прослеживается не только дегенерация ума, но и чувственная атрофия восприятия милости, не смертельная для некоторых людей, но уничтожительная для поэта.

Все последующие «изыски» стихотворения с дежурными «не сгубившим душ» (откуда автору это известно?), кистенями и воинами должны были добавить состра-

дательного пафоса в данный опус, но поверить в это могут теперь разве что «пьющие не из русских луж», ибо русского языка не выучили.

Я не случайно потратил на это слов более, чем оно заслуживает, так как сие произведение показательно представляет творчество людей, имеющих меньшее из того, что необходимо поэту, но желающих за это больше, чем тому же поэту полагается.

Многим известны строки «...и человек сказал — я русский, и Бог заплакал вместе с ним». Многие, уверен, всплакнули вместе с этими двоими. Рассуждающее сумасшествие этого стихотворения перекликается с выше озвученным, царствуя, само собой, над здравым смыслом, но, что удивительно, и над воображением тоже, которое искони является обязательным условием безумия.

Мало того, что плачущий Бог никак не может быть действенным заступником сырых и угнетенных, но еще данным стихотворением убивается последняя надежда русского человека на лучшую долю, раз родитель всего Бытия расписывается в собственном безсилии. Появление высшей силы в облики старичка — образ распространенный и глупый одновременно, необъяснимо привороживший многие поколения писателей.

Плачущее существо нельзя назвать Богом не только потому, что оно не достойно такого звания, но и потому, что такого не может быть по определению. Если подобное представляется чьему-то воображению, то это что угодно, но только не Всевышний, и автору впору приглашать экзорциста.

Солнечная напевность итальянского, вычурное кружево французского, вышкоченная строгость немецкого — это только малые части русского языка, освоить который во всей полноте не удалось никому, но и того, что постигает писатель на протяжении своей деятельности, может хватить для созидания, если уметь им распорядиться.

Писатели, многие даже не подозревая, назначены хранителями языка, а, значит, хранителями народа, ибо язык и народ живут и умирают одновременно.

Для властных дегенератов не существует понятия «народ», для дегенератов от литературы нет имени «русский язык». И тем, и другим важны собственные пороки как основа благополучия при обязательном размножении себе подобных, чтобы исключить всякую угрозу со стороны нормальных людей.

Обычный человек ведет дневник, а маттоид составляет мемуары, правдивость которых находится в полной зависимости от больной воображением мысли.

Сумасшедшие меряются убожеством написанного, а их братья по разуму глубоко-мысленно разбирают зафиксированный бред.

Недостихи, слепленные по образу скудоумных японских, попытки синтеза речевки Хайяма, издевательские припевки аля-Есенин, многоголосый, безпросветно серый бубнеж по всем религиозным датам, Великая Отечественная война глазами бойцов Ташкентского фронта... Не верится, что авторы могут ответить на вопрос «зачем?», так как для этого нужна хотя бы малая частичка здравого смысла.

Жозеф Артюр де Гобино писал: «В безобразии образов нельзя винить природу абстрактного мышления, потому что все дело в устройстве глаз, умов и сердец, к которым обращены эти образы».

На абсурдный, несуразный, даже идиотский продукт субкультуры обязательно найдутся почитатели, способные резонировать со всякими, самыми разрушительными для здоровой психики волнами, вызываемыми такой поделкой.

Есенинское «словно я весенней гулкой ранью проскакал на розовом коне» и Ахматовское «из какого сора растут стихи, не ведая стыда» находятся в совершенно разных измерениях понимания поэзии, и жесткое соприкосновение их не могло не привести к трагедии русского поэта, ибо воинственное сумасшествие не выбирает

средств борьбы, а использует все, что видит, выходя из творческой плоскости во все сферы жизни, откуда и наносит наиболее ощутимые удары.

С другой стороны, широко тиражируемое мнение об обязательно горьких судьбах поэтов, гибнущих за свои стихи, неправильно и вредно, ибо это совсем не так.

К примеру, Гумилев пострадал за деятельность, не связанную с поэзией, а Рубцов оказался жертвой банального алкоголизма, как бы не пытались изобразить из него мученика поэзии. За белогвардейскую деятельность были расстреляны десятки тысяч, от алкоголя погибли сотни тысяч, и выхватывать из них единицы, дабы скорбеть по ним — нечестно по отношению к остальным, среди которых были, можно не сомневаться, и ученые, и инженеры, и другие полезные обществу люди. И стоит заметить, что ставя в один ряд Есенина с Рубцовым, приходится неглубокому читателю их произвольно как бы уравнивать, что недопустимо.

Частенько употребляемое слово «дилетант» призвано завуалировать и смягчить слово «дегенерат». Представить себе, допустим, человека, в произвольном порядке смешивающего реактивы и различные субстанции между собой, не имеющего ни малейшего представления как они соотносятся и взаимодействуют, и что получится в результате — можно, но тогда им должен быть ребенок, для которого это способ познания, или настоящий дебил. Но каждый считает, что он то уж точно не такой.

Одни «дилетанты» рисуют летающие силуэты, а другие в этом находят высокий смысл.

Надо тщательно остерегаться суматошных и сумасбродных салонов, поэтических конкурсов, фестивалей и вечеров поэзии, призывных, как и партии, служить несколько безумцам через безумство остальных. Как ни странно, но толпа более внушаема, чем отдельный человек, и для того необходимы сборища, чтобы протаскивать и внедрять любые, сегодня, в большинстве своем, дегенеративные идеи не только от искусства.

В середине прошлого века было модно противопоставлять физиков лирикам, что нанесло чувствительный ущерб гармоничному развитию человека вообще. Периодическая система Менделеева разве не поэма природы, разве не сопоставима она с «Божественной комедией» Данте? Как бы не отделяли физиков от лириков, но поэзия — только одна из множества наук, которыми мы пытаемся осознать мир. Занятия любыми науками подразумевают логику и вдохновение, интуицию и знания, ежедневный труд совершенствования и Божественные озарения. Не зря в советское время член Союза писателей автоматически ставился на уровень кандидата наук.

Жирный пласт так называемой интеллигенции ухитряется на протяжении всей жизни существовать безбедно, ничего не производя в духовном и научном направлениях.

Академики неизвестных наук и паранормальных искусств, литературоведы, изыскания которых читают только такие же литературоведы, десятилетиями и династиями имитируют деятельность и требуют (и получают) за имитацию вознаграждения, выдают с ученым видом сентенции, не соответствующие собственной заявляемой значимости.

Класс паразитов литературы по величине сравним только с количеством паразитов во власти.

Варианты сумасшествия «поэтов» столь разнообразны, что достойны многотомного перечисления, но ядро неизменно одно: уверенность в собственном таланте при злом неприятии малейшей критики.

Бороться с этим невозможно, и не допускать на широкую аудиторию также невозможно, поскольку заставы на всех путях контролируются точно такими субъектами или сочувствующими.

Вести обстоятельные и продуктивные беседы за круглыми столами можно только со здравомыслящими, близкими по талантам и уровням знаний. Все попытки с другими составляющими — от лукавого.

Возможно, когда-нибудь, если появится желание, мне хватит терпения более подробно потоптаться на основных путях и направлениях современной поэзии.

Двигать поэтом должно не только состояние его души, но еще многие и многие знания, почерпнутые отовсюду, куда смог проникнуть пытливый ум и несогласное поэтическое чутье. И тогда не будут появляться вирши, подобные этим:

*Мы не скифы и не азиаты.
(Да простит меня умница Блок).
Наши пращурьы были зачаты
На сплетенье вселенских дорог.*

*В дивных чащах и в сказочных пущах,
У языческих тайных костров,
От сердец, по сосудам несущих
Неуемную, черную кровь.*

*Мы — славяне. Наш путь изначально
Был неведом, как чрево Земли.
И соседи угрюмо молчали,
И огонь не маячил вдали.*

*Но остаток сомнений отринув,
По призывному кличу вождя
Мы шагнули во мрак лабиринта,
Свой, нетореный путь находя.*

*Все премудрости греков и римлян
В свои головы цепко вобрав,
Мы свободу лишь боготворили,
Как источник любви и добра.*

*И о том помышляя едва ли,
В старой кузнице прошлых веков
Свой особый язык шлифовали
На камнях мировых языков...*

Далее следует обычный набор: мужество, дураки, лень, страдания и т.п. Стихотворение насколько длинное — настолько и беспредметное, безобразное. Начинал о древности славян, но в пятой строфе сообщил, что всю мудрость от римлян приняли. А до того не понимали ничего? О камни каких языков шлифовали свой родной? Шлифовка, как я понимаю, совершенствование, а совершеннее русского языка в любые времена быть не могло, если даже сейчас, потеряв десятки тысяч слов, он самый богатый в мире.

И как-то с пращурами нехорошо обошелся — всех на перекрестках зачал. Негде больше было?

Напыщенный «патриотизм» на русском языке сыграл шутку с автором, определив его в подпольные русофобы, сразу поставив его в разряд русскоязычных поэтов, хотя он сам, возможно, русский.

Принимать и озвучивать русскую историю по поделкам придворных историков дома Романовых Карамзиных и Соловьевых — безболезненно и даже иногда вознаграждено.

Не только поэт, а любой русский человек пока не поймет, что не было никакого татарского ига, что Петр Первый не мог построить Петербург силами простых крестьян и десятка иностранных проходимцев и прочая, и прочая — так и не осмыслит ни свою русскость, ни назначение поэзии, и не задумается, что с нею делать.

И эта тема требует отдельного рассмотрения.

Лев Толстой говорил, что зло можно победить, если добрые люди объединятся.

*Добро опутали морали,
лишив свободных амплитуд,
а зло летит по магистрали:
сегодня там, а завтра — тут.*

Дегенератов, как и зло, известно — победить нельзя, но стараться необходимо, и оружием поэзии служит единственно язык.

Евгений Трещев
(г. Щекино Тульской области)

ДУША ЖИВА, ДУША ВОСКРЕСНЕТ

Родился второго марта 1948 года в городе Щекино Тульской области. Образование высшее. Технический директор ООО «ЩекинСтройПроект». Член Союза писателей России. Действительный член Петровской академии наук и искусств. Почетный работник общего образования Российской Федерации. Почетный учитель. Почетный работник газовой промышленности РФ. Ветеран газификации Тульской области. Ветеран труда. Почетный гражданин Чернского района Тульской области. Автор 27 книг. Печатался в антологии тульской поэзии «Наши современники», в хрестоматии «Три века Тульской поэзии», в коллективных сборниках, альманахах, журналах, газетах (более двухсот шестидесяти печатных работ). Главный редактор литературных альманахов «Приупские просторы», «Солова». Награжден «Знаком Ордена Доброты», тремя медалями, восемью ведомственными знаками. Лауреат литературного конкурса «Поэтическое братство». Имя Е. И. Трещева внесено в энциклопедию «Лучшие люди России» (2004), в «Тульский биографический словарь. Новые имена», в сборники «Наши знаменитые земляки», «Лучшие учителя Щекинского края», в «Энциклопедию городов и районов Тульской области», в путеводитель «Край наш Тульский», в сборник «Дарящие тепло. ОАО «Тулаоблгаз» в судьбах и лицах».

Шафран Яков Наумович, инженер, психолог, поэт, прозаик и публицист. Член Союза писателей и переводчиков МГО СПР. Лауреат литературной премии «Левша» им. Н. С. Лескова. Заместитель главного редактора — ответственный секретарь литературно-художественного и публицистического журнала «Приокские зори». Главный редактор и составитель литературно-музыкального альманаха «Ковчег». Академик Академии русской народной поэзии. Член творческого Союза песенников России. Член Академии российской литературы. Один из создателей литературных клубов «Родник» и «Ковчег». Автор книг: «Любимая, прости», «Спасение рядом», «Жизнь, как один день», «В пути». Печатался в журнале «Приокские зори», литературных альманахах: «Яснополянские зори», «Ковчег», «Московский Парнас», «На крыльях Пегаса», «НЛО», в «Антологии русской народной поэзии XXI века», в коллективных сборниках: «Ежи» на площади победы», «Планета души», «Поют любовь Вам ангела — поэты», в ежегоднике «День Тульской поэзии», в газетах.

Родился Яков Наумович 31 октября 1950 года в семье служащих в Гомельской области Белорусской ССР.

*Я родился в полесской деревне,
Когда осень успела раздать
Золотое убранство деревьев*

*И последних цветов благодать...
Эти лучики Белой России
По дорогам России большой
Я несусь как защиту от стыни,
Что порой накрывает волной.*
(Я. Шафран)

Эта любовь к малой родине, где родился и вырос, является основой основ подлинного патриотизма. Пересчитывать все то, что значит для человека Родина,— это все равно, что пересчитывать каждую каплю в реке.

*Край мой милый, край хороший —
Детства незабвенный край.
Старый домик, в землю вросший,
Сад и роща — просто рай.*
(Я. Шафран. Из цикла «Детство»)

Когда-то Сергей Есенин сказал: «Найдешь Родину — пан, не найдешь — все псу под хвост пойдет. Нет поэта без Родины».

В 1965 году Яков Шафран переехал в Тулу — на родину матери. Окончил Тульский Политехнический институт (1973 г.) и Высший психологический колледж при институте психологии РАН (1997 г.). Работал в Туле и Москве. Литературной деятельностью начал заниматься с 1977 года.

Его поэзия — духовно-мировоззренческое осмысление жизни. Здесь выделяется два важных момента: это отношение автора к Родине и православной вере. Кроме того поэзия — дело сердечное, она всегда о самом сокровенном: о любви и смерти, об одиночестве. Это придает стихам особое звучание и обаяние. Стихи простые и точные, без попыток шокировать читателя лихим литературным наскоком. Они ценны глубокими раздумьями о жизни, осязаемым этическим напряжением. Рифмовка, строфика создают облачение, за которым скрывается истинная сущность. Автор поднимает вопросы и дает на них свои, зачастую весьма неожиданные ответы. Он открывается перед читателем, делаясь личным и сокровенным, душевными переживаниями и духовными размышлениями. Автору есть что рассказать. За его плечами большая, насыщенная трудами, жизнь.

Он не отгораживается и не прячется от всего, что происходит в нашей стране.

*Земля в дыму. Идет война в Донбассе.
Нацисты вновь на Русь идут ордой.
Бывает ли еще кого опасней
Предавший брат, тем более родной.*
(Я. Шафран)

Им движет любовь к России, переживание за судьбы ее граждан, восхищение ее могуществом.

В статье «К 70-летию обороны Тулы» Яков Наумович пишет: «Большое складывается из малого. Да, люди шли воевать за свою дорогую сторонку, за близких, за любимую, привычную жизнь, за блага, дарованные социалистическим государством, за свои народные традиции, не покладая рук, стойко и мужественно перенося лишения, трудились в тылу».

В самосознании русского народа на протяжении веков сложилась оборонительно-контратакующая стратегия. Сначала мы обороняемся, накапливаем силы, нано-

сим удар, побеждаем. Забираем территорию врага, как плату за нанесенный войной ущерб.

Этой теме посвящен целый цикл стихотворений Я. Шафрана («Будет время, будут люди», «Милая Тула», «Мы с Куликова поля», «Три ствола поднимаются ввысь», «Земля в дыму...», «Если заросли поля...», «Взываю в ночи»).

*Я уверен на все сто —
Всех сильнее память рода.
Не поможет нам никто,
Кроме самого народа.*
(Я. Шафран «Если заросли поля...»)

*Будет время, будут люди,
Не мальцы — титаны.
И Россия наша будет,
Залечивши раны!*
(Я. Шафран)

В стихотворении «Милая Тула» он говорит:

*Чтобы город стал краше, светлей, духовней,
Чтобы люди все стали добрей и сильней,
Становлюсь пред иконой смиренней, покорней,
Чтобы Божью любовь понести для людей.*

Он также пишет о стремлении найти свое место в мире, о взаимоотношениях мужчин и женщин. Женщины! Они приносят в этот мир любовь и красоту. А сколько прекрасных произведений было им посвящено — этого не сможет подсчитать никто. Это самая большая загадка в жизни мужчины.

«Полюбив человека, люби его так, словно он — Божество, и ничуть не меньше», — писал Ошо.

Настоящая любовь бьет в сердце, как молния!

*И в такт ему душа моя
Скорбит о прошлых днях.
И мысль одна — любил ли я,
Любили ли меня?*

*Ведь без любви душа плоха,
Словно дырявый зонт,
Как ночь осенняя глуха,
И темен горизонт.*

*Эй, соловей, постой, не тронь
Ты струн души, не рви.
Свою любовь не проворонь —
Так хочется любви!*
(Я. Шафран. «Молчит, молчит глухая ночь»)

Но некоторые душевные раны никогда не заживают полностью. И после них остаются на сердце шрамы.

*Мне так хотелось бы вернуть.
Я так тоскую и жалею,
И по ночам в мечтах лелею —
Пройти непройденный наш путь.*
(Я. Шафран)

Он смело обнажает все нервы стиха, дрожащие от малейшего прикосновения.

*Ты была изюминкой, цветком,
Неба беспредельного явленьем...
Бездна, ночь, огонь, исчезновение,
Крик предупредительным звонком.*

*Ты была кувшинкой на пруду,
Зябнущей в ночной октябрьской стыни...
Утро, свет, сиянье, но... отныне
Я кувшинку эту не найду...*
(Я. Шафран)

Перед нами предстает потрясенное сознание и смятение чувств человека. Любовь и женщина... Какая мощь в этих стихах! Стихи звучат очень убедительно, потому что прошли через сердце автора и душу. Подобное можно лишь понять, прочувствовать и разделить. Время поможет. Оно по чуть-чуть стирает боль потери, обиду, отчаяние. А образ любимой женщины обретает неповторимые черты.

В своем творчестве поэт призывает понять смысл вечности, смысл существования человечества. Нужно уметь ценить все то, что нам дается.

*Радуйся свету жизни,
Заранее не подводи итог,
Не говори о скорой тризне —
Цепляйся за последний вздох!*
(Я. Шафран)

Автор — человек верующий. Именно это придает его творчеству духовную глубину. Разработке этой теме он уделил большое внимание в романе «Круг замкнулся».

«Всякий, кто не верит в будущую жизнь, мертв и для этой», — писал Гете.

Счастье в душе — главное сокровище человека. Следуй велению сердца и будь честен с собой. Помощь Божия приходит ко всем, кто ее просит. Лирические переживания поэта органически связаны с образами природы («Возлегла зима на землю», «Весна поторопилась...», «Воплощение надежды», «В разнотравье, как в оправе», «Октябрь вокруг рассыпал золото», «Милая земля», «Золотом по небу листья кленовые»).

«Жизнь без природы неинтересна, а человек, не любящий ее, ущербен, у него как бы отсутствует часть души»... — пишет он в одном из своих рассказов.

А с каким подъемом и чувством благоговения в миниатюре «Самое главное» автор описывает наступившее «бабье лето»: «Все чувства обострены, душа летит, как птица, хочется обнять все вокруг, и так стоять и стоять, никуда не торопясь, очищаясь от вкуса сомнений, от запахов раздражения и от прикосновения лжи...»

В его пейзажной лирике природа — объект любования. Он поклоняется ее красоте, стремится проникнуть в ее тайны. Ему нравятся приглушенные, затаенные звучания строк. Осень, как робкая надежда, исполненная легкой грусти, радует и восхищает. Ее очарования не скрыть ни под плотной вуалью предрассветных туманов, ни под серебряными нитями дождя.

С приходом весны слышишь шум ручьев, пение птиц. Жизнь прекрасна!

*Гибкая молодушка, неброска,
Крону окуная в голубень,
В зелени воскресшая березка
Радует прохожих целый день.*
(Я. Шафран)

Нужно остановиться, осмотреться и оценить эту красоту. И тогда мы увидим, что природа выписана поэтом без клише и банальностей. Такой лирический пейзаж вполне мог изобразить в своих стихах Федор Тютчев. Тем не менее Якова Наумовича никак не отнесешь к подражателям.

А время утекает, словно вода сквозь пальцы. Подкрадывается незаметно старость с сожалением о несбывшихся планах и мечтах. Возрастает проблема одиночества.

*Уйду в свой дом... Покой так дорог.
Среди икон, картин и книг
Внимает сердце, ум так зорок
И льется жизни моей стих.*
(Я. Шафран. «Льется жизни стих»)

Стихи становятся жизненной опорой, дают возможность сохранить себя как личность. Создается ощущение, что автор живет стихами, балансируя между двумя мирами: миром снаружи и миром внутри.

Проза Я. Н. Шафрана правдива и глубока по смыслу. Его творчество — служение русскому слову, целительному и скрепляющему. Целая россыпь точно указанных деталей придает повествованию единственно нужный контекст. В текстах остро звучат вопросы совести.

Известный тульский писатель и ученый Владимир Григорьевич Сапожников в одном из своих отзывов написал, что «рассказы Я. Шафрана безусловно являются продолжением традиций русской литературы, вносят заметный вклад в развивающийся новый русский критический реализм, знамя которого впервые поднял академик литературы, наш современник и наставник, главный редактор журнала «Приокские зори» Алексей Афанасьевич Яшин». Как видим, в произведениях писателя предельно обнажена жизнь нашего современника, в которой он не может найти ответа на свои мысли, страдания и чаяния.

Жизнь — строгий учитель. И она дорого берет за свои уроки. В жизни бывает все: тоска, кураж, веселье, плач, покой, тревога, неудачи и удачи. Но в мире еще остались вечные ценности и красота. Не все продается и покупается.

У каждого поэта и писателя свой путь в творчестве и своя доля. Нужно радоваться жизни, любить, дружить, мечтать и смотреть на звезды.

*Жизнь наша — чудо, диво,
Альтернатива пустоте:
Как все прекрасно и красиво
На нашей матушке — Земле.*
(Я. Шафран)

Бывает, что с годами талант убывает. Бывает — наоборот. У Якова Наумовича Шафрана как раз второй случай. С каждым пройденным годом он становится мудрей, уверенней и взвешенней в словах и чувствах.

Андрей Можяев
(г. Москва)

ПОЭТЫ ЛУГОВОГО КРАЯ

Можяев Андрей Борисович — сценарист, прозаик, публицист. Доцент кафедры драматургии кино ВГИК. Лауреат нескольких Международных кинофестивалей. В 1985 году получил премию «Лучший дебют в кино» на Международном Кинофестивале «Молодость» за игровой фильм «Полотенце с петухом», созданный по мотивам мемуаров М. А. Булгакова. В фильмографию А. Б. Можяева входят документальные фильмы «Наше военное детство» (приз «За лучшее решение темы музыки в кино» на Международном кинофоруме «Золотой витязь», 1985 г.); «Родовой камень» (второе место за сценарий документального фильма на Международном кинофоруме «Золотой Витязь», 2001 г.); «На сопках Маньчжурии» (гран-при «Золотой меч» на Международном кинофестивале «Военное кино», 2004 г.); «Окно»; «И схлынут воды...»; «Апсны-Абхазия. Страна души» (специальный приз международного телекинофорума «Вместе», 2010 г.) и др.

В пяти часах езды от Москвы, за Мещерой на рязанщине между реками Окой и Мокшей лежит луговой край, обозначенный на картах как пителинский район. Нет здесь ни промышленных предприятий, ни городов, даже малых. Люди живут как встарь: земледелие, уход за скотиной, охота да рыбалка.

Сам райцентр Пителино — старинное, некогда ярморочное село со многими сохранившимися каменными домами. Но вот что самое удивительное: в этом луговом крестьянском краю почти уже двести лет являются самобытные литераторы, поэты. Обошла стороной эти земли индустриальная суэта, и цветет здесь поэзия — даже вопреки тяжелой, скудной нынешней жизни. Пишут стихи и люди с образованием (сельская интеллигенция), и простые крестьяне. Нет, речь — не о «лубочных виршеслагателях», таких модных еще недавно. Речь идет о настоящем стихотворчестве, где слиты два потока: народной, песенной культуры и высокой литературной традиции. Вот строки местного поэта:

*«Под дождями осени косыми
В шорохе застывшей тишины
Спит Пителино среди России,
И в ночной туман уходят сны.
Ветер по проулкам тихо бродит.
Месяц в небе — серпик золотой.
Тихая, задумчивая родина,
Та, где ивы плачут над водой»...*

Надо подчеркнуть особо: пителинская земля (совсем недалеко от есенинского Константинова) дала русской литературе двух классиков.

Первый — Николай Павлов, современник Пушкина, муж известной поэтессы Ка-
200

ролины Павловой, устроительницы знаменитого литературного салона. Павлов был незаконным сыном помещика и вывезенной тем из персидского военного похода пленной грузинки. Отец отдал новорожденного в семью зажиточного крестьянина Павлова и записал в крепостное состояние. Впрочем, о его образовании позаботился — уже юношей отправил сына в Петербург в театральное-музыкальное училище. Но Павлов стал все же поэтом и прозаиком, а затем был выкуплен друзьями на волю. Его стихи звучат сегодня несколько тяжеловато, архаично:

*«Не верь ты верности земной
Как сверхъестественному чуду;
Но верь, что в стороне чуждой
Я долго, долго не забуду
И музыку твоих речей,
И простоту твоих желаний,
И небо мирное очей,
И ад неистовых лобзаний».*

А вот в повестях он во многом предвосхитил художественный принцип Гоголя. Пушкин писал: «Павлов единственный у нас, кто умеет рассказывать действительно занимательные истории». Именно Павлов первым, пожалуй, изнутри, без романтизма, описал жизнь крепостных, жизнь в солдатчине.

Другим классиком, уже современным, стал Борис Можаяев. В его книгах, в романе «Мужики и бабы» досконально описаны история, быт родного края, народа, описаны характерно для всей России. А главное — выражены вольнолюбие и стойкость русского крестьянина во времена тяжелейших испытаний. Правдивое слово — последнее, что сегодня еще удерживает на самом краю полной гибели нашу жизнь. Вот строки местного поэта о значении такого слова:

*«Много бурь здесь отгреметь успело,
Многое растаяло во мгле.
Кажется, что все здесь отшумело
И уснуло в мертвой тишине.
Но не все, не все еще в распаде...
Ведь где в воду смотрят облака,
Был Борис Можаяев здесь, писатель,
И оставил память на века.
Пусть уходит в этой жизни многое,
Слово не стирается во прах.
Где-то рядом деревенька Брехово
И Россия «Мужиков и баб».*

А первой книжкой писателя стал не известный широкому читателю сборник стихов. В поэзии автора слышна сильная песенная традиция. Да и как иначе? Ведь рязанщина — исконно песенный край.

Из Пителина летом сорок первого года Борис Андреевич уходил на сборный пункт в Муром, на войну, а оказалось — уходит в большую литературу:

*«И древней Муромской дорогой
Пошли мы, млад и стар,
Где предки ехали на дрогах
Косами бить татар,
Где ратных проносились кони,
Хвостами пыль мели,
Где свист разбойничьей погони*

*Слышали ковыли,
Где ехал на базар вчерашний
Тархан и коновал,
Где запах дегтя и ромашек
Я много лет вдыхал.
Прямая пыльная дорога.
Визгливый плач колес...
Тянулся медленно и строго
По ней войны обоз.
И люди шли, дымя махоркой,
Спокойно, как в извоз...
Был долго виден на пригорке
Нам белый холст берез».*

Этот холст берез и сегодня провожает и встречает с пригорка...

Также известен был по всей средней России поэт 50—70 г.г. Николай Яшков. Вот строчки его стихов:

*«Кружатся, кружатся листья в саду,
Но все равно этот лист я найду —
Яблони лист, не иголка сосны,
Тот, что мне дорог с весны.
Помню, стояли в саду мы вдвоем
И вот тогда-то небрежно на нем,
Пряча свой взгляд и улыбку тая,
Ты начертила: «Твоя»...*

И сегодня есть поэты, для которых стихи, литература — дело жизни. А бок о бок с ними — поэты-«любители», простые крестьяне, учителя, библиотекари, медики. Их стихи также выдержаны в высокой традиции. Да и нет, по строгому счету, в настоящем искусстве художников «больших и малых», именитых и неизвестных. В глубинах художественного творчества такие разделения не работают. Ведь художник — это состояние души. Все остальное — дело наживное.

Вот, например, как выражает отношение к жизни простая крестьянка (не так давно силами администрации района и области издан сборник поэтов пителинского края под названием «Зелена моя дубрава»):

*«Умирают травы на покосе,
Усыхая и желтея, словно в осень.
Ветерок ласкает травы нежно
И волнуется за жизнь их так мятежно.
Приподнимет травку над землей,
Та зашепчет: «Жизнь, ведь я с тобою»
И падет к земле головкой близко.
Не подняться, а лежать ей низко.
В ветерке спасения ища,
Травы умирают трепеща».*

Это образно, и потому — художественно.

Отчего же в глубинке среди рек и озер, лугов и лесов возникла и развивается вопреки всем условиям эта традиция? Вопрос весьма значим для понимания нашей культуры, истории.

Как было сказано выше, корни явления в самой поэтически-песенной душе народа. Отсюда всегда и везде происходят самородки. Но в России со второй половины

позапрошлого века стали появляться на селе земские школы. В помощь лучшим из дворян в дело просвещения пришли выходцы из других сословий. Все они чуть позже станут называться «народниками».

В начале прошлого века дело образования вышло на свой пик. Появились династии «народников». Образы этих людей как раз выведены в романе «Мужики и бабы»... При школах часто организовывались театральные, краеведческие, фотографические, литературные кружки. Гуманитарное образование стояло на очень высоком уровне. У автора этого очерка имеется книга — полное собрание сочинений Пушкина в одном томе. Она принадлежала сельскому учителю, погибшему на первой германской войне. Страницы книги сохранили карандашные отметки и надписи, по которым легко определить, какой величины отрывки из каких произведений задавали тогда учить школьникам. Сравнение далеко не в пользу нынешнего времени.

Итак, чтение, наряду с песнями, участием детей в церковном хоре под управлением регентов были тогда главным культурным занятием. Старики еще помнят, как читали по вечерам в кругу больших семей под керосиновой лампой, а потом обсуждали услышанное. Так вращалась в быт любовь к книге. Так осуществилась мечта еще Некрасова о том, что когда-нибудь крестьяне понесут в избы с базаров томики Белинского и Гоголя. Кстати, и сегодня глубинка достаточно равнодушна к популярным в больших городах бестселлерам, пустой претенциозной «мидкультовщине».

Традиция книжности пока жива. Это она растила людей в уважительном, достойном отношении друг к другу, что и сегодня бросается в глаза на улицах Пителина и выглядит поразительным диссонансом по сравнению с городскими нравами. И эта же традиция облагораживает чувства, дает душе высокий строй.

Вот удивительное стихотворение местного поэта Сергея Гераскина:

*«Над Россией большой и тихой,
Над святою и грешной Россиею
Купола потянулись к небу —
Золотые на темно-синее.
Над погостом ветла и береза
Ветки кутают в белом инее,
А кресты на закате морозном
Золотые на темно-синем.
Вот луна загрустила над прудом
И блестит между ряской и лилией.
Лик ее, беспристрастный и мудрый —
Золотистый на темно-синем.
Зрелым колосом шепчет поле,
С горизонтом сливаясь линией.
И такое раздолье и воля —
С золотого до темно-синего.
Много красок бывает в жизни,
Но не всеми ей быть красивою.
Я из радуги взял капризной
Золотое и темно-синее.
Ветер — время с годами уносит
Ту любовь, как весна, красивую...
А бывает любовь — как осень.
Золотая по темно-синему.
Пусть виски осыпает проседь,
Пусть уходят и чувства, и силы,
Ведь бывает любовь, как осень,*

*Золотая на темно-синем.
Все равно, вы когда-то поймете
Грусть и радость, что вместе — красивые,
Как любовь, купола и осень —
Золотые — на темно-синем».*

После революции тяга к высокой литературе усилилась. Из поколения в поколение передается в семьях память о том, как десятилетиями переписывали в тайные тетрадки стихи запрещенного земляка Есенина. И в те же времена в сельскую, провинциальную школу пришла высланная из центров интеллигенция, высоко и широко образованные люди: профессура, ученые, инженеры, литераторы и музыканты, артисты. Они вырастили новое поколение учителей. Именно они стоят у истоков явления в советский период огромной плеяды выдающихся деятелей во всех областях жизни.

Память о тех золотых людях жива и сегодня. Это выражается, прежде всего, в отношении к школе. Вот как пишет об этом сельская учительница:

*«Маленькой девчонкой возле дома
Я учила кукол говорить
И мечтала: «Вырасту и буду
Ребятишек грамоте учить».
В школе я училась на «отлично»,
Шаг за шагом двигаясь к мечте,
И, окончив институт с дипломом,
Подошла к намеченной черте.
Я боялась, буду слишком строгой,
И боялась, вдруг, что не поймут?
А на деле оказалось проще:
Если что не ясно — подойдут.
Только вот бездушия не терпит
Этот маленький и радостный народ.
Только справедливых, верных, чутких
За «своих» он в классе признает»...*

И это написано сегодня, когда нашу многострадальную школу не поливает грязью и не разрушает только ленивый!

Все это: и поэзия, и уклад жизни, и отношение к школе, детям, и многое-многое другое, что можно еще встретить доброго в провинции,— говорит о том, что традиция пока жива. Ее след можно отыскать по всей России, но очень наглядно она выразилась поэтикой, книжностью отчего-то здесь, в приокском луговом краю. Это дает в сегодняшнее трудное время надежду. Как пишет об этом поэт:

*«На земле на тителинской —
С деревнями и селами —
Будем снова высокими,
Будем снова веселыми.
Все родное здесь, милое,—
Хоть порой и с ухабами,—
Живо песнями русскими,
Мужиками да бабами!»*

ОТЗЫВЫ ВЛАДИМИРА ТРУСОВА И БОРИСА РЯБУХИНА НА НОВЫЙ РОМАН АЛЕКСЕЯ ЯШИНА

Академия российской литературы
● Общедоступная группа

Евгений Скоблов

АКАДЕМИЯ РОССИЙСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ ПРЕДСТАВЛЯЕТ

*****

Уважаемые коллеги!

Мы продолжаем публиковать отзывы и рецензии на книги и отдельные произведения авторов — членов Академии российской литературы. Предлагаем вашему вниманию рецензию члена Союза писателей России ВАДИМИРА ТРУСОВА на книгу известного писателя, главного редактора литературно-художественного и публицистического журнала «Приокские зори», члена Академии российской литературы АЛЕКСЕЯ ЯШИНА «ЗАТО МЫ ДЕЛАЕМ РАКЕТЫ: ВОСПОМИНАНИЕ О БУДУЩЕМ».

*****

**Владимир Трусов,
член Союза писателей России
«ВРЕМЯ, НЕ ПОМЕНЯВШЕЕ ЦВЕТ»
О романе А. А. Яшина**

«Зато мы делали ракеты: Воспоминания о будущем»

Среди многочисленных способов и средств борьбы за существование в подлунном мире, особенно на этапе, когда это самое существование худо — бедно, но обеспечено, нам, «человекам разумным», свойственно его поелику возможно облегчать, то есть делать приемлемее и комфортнее. Сие утверждение, надеюсь, никто оспаривать не возьмется, все в порядке вещей, естественно и не осуждаемо. Кому же, помилуй нас Господи, не хочется, дабы «жить стало лучше, жить стало веселей»? И настоятельно попрошу не упражняться в аллюзиях, касающихся

столь одиозной для многих персоны автора данного изречения. Просто к слову пришлось и к месту, ничего более. Сейчас все выяснится. Я вот к чему веду: одним из многочисленных приемов облегчения своего бытия на земле грешной люди, не стовариваясь, издревле избирали категоричность оценок и суждений по любому интересующему их (то есть нас) поводу. Согласитесь, рубануть с плеча, определяя раз и навсегда, мол, вот черное, а вот белое, и вся недолга, весьма порой заманчиво. А главное — проще простого. Разложил на две полки суть явления, определил хороших и плохих, и спи спокойно. Ведь попытки узреть некие оттенки и попросту тени, уловить полутона, ведут, по мнению таких «рубак», в болото нескончаемой демагогии из коего, угодив однажды, можно и не выбраться, и даже выбравшись, хлопот не оберешься, не отмоешься от грязи, тину и мох не счистишь вовек. А социально-политический заказ кто выполнит? Это же, пардон, основная канва, ею пренебрегать — всего лишишься, в первую очередь уже упомянутого, обеспеченного и комфортного существования. «Конфеты — букеты», как образно определил материальные блага классик отечественной сатиры, тоже на земле не валяются. Вот и брешут-тявкают друг на дружку ток-шоу-мены, особенно изгаляясь в смелых оценках прошлого, и далекого, и не очень. И попытки якобы объективности «тоже историков», от Млечина до Сванидзе, вкуче с сорочьей трепотней великовозрастных игривых парнишек, вроде богемного Быкова, лишь усугубляют общую картину псевдооткровенности. Конечно, в пику упомянутым, есть и совсем иные, действительно серьезные, глубокие и ответственные специалисты, один Виктор Правдюк чего стоит! Но медийная интенсивность не на его стороне. И что самое удручающее, очень похожая картина наблюдается зачастую в личных воспоминаниях: либо сплошные жуть и мрак, либо совсем наоборот, солнце и счастье. Подобные упрощения, как мне кажется, калечат наше сознание куда хуже любой лоботомии. И самое главное — они сбивают с толку молодое поколение, для коего семидесятые и восьмидесятые, а зачастую и девяностые годы прошлого столетия уже история. Попытки же хладнокровного препарирования обречены на провал не только из-за пренебрежения системным подходом к анализу, но и в виду полного отсутствия в них души человеческой и любви к родной истории. И в равной степени — личные воспоминания, вдобавок лишённые известной доли самоиронии. Я совсем не зря упомянул именно годы второй половины двадцатого века, начиная даже не с семидесятых, а с шестидесятых. Годы окончания «оттепели» и дальнейшей стагнации, официально уже поименованные «застоем». Их, по сравнению с более трагическими и суровыми временами, оценивать, пожалуй, гораздо труднее. Событийные экстремумы сглажены, выживать во что бы то ни стало уже не требовалось, безработицы у нас не было, ну, комсомольские стройки, БАМ например... Диссиденты? Ну, да, так ведь не массово... ах, вот еще вражьи голоса народ слушал ночами, политические анекдоты травил... Мелочевка все-таки... А хочется чего-то такого, из ряда вон, правда? Чтобы опять слепить болвана глиняного, да шашкой его наотмашь...

А вот и нет. И хорошо, что в мире не переводятся люди, несущие в себе любовь к прожитому ими вместе со своим народом и со своей страной. Любовь ведь не предусматривает сусальности и огульного восхищения. Просто «когда мы были молодыми и чушь прекрасную несли...». Ну, как тут без самоиронии, скажите? О чем я? Конкретно о книге Алексея Афанасьевича Яшина «Зато мы делали ракеты». С учетом названия — строки из песни Юрия Визбора, переведенной в прошедшее время, а также содержания романа, напрашивается подзаголовок — также несколько измененное название известной в свое время песни — «Песня об инженерной молодости». Нисколько не убоюсь упреков в пристрастности, признавшись, что книга сия мне очень близка, ибо и аз грешный, будучи, подобно автору, изначально «технарем»

по образованию, успел еще в советские времена, по окончании «Военмеха», потрудиться по распределению на закрытом предприятии, вкусив все прелести «оборонки», и на собственной шкуре убедившись, что «если хочешь выполнить производственное задание — найдешь любые пути и средства, если не хочешь — найдешь любые отговорки». Все, о чем пишет Алексей Афанасьевич, мне близко и знакомо еще и потому, что автору удалось главное — передать в романе свое собственное, субъективное (что крайне важно!) ощущение того времени, когда он и его коллеги и друзья были совсем еще молоды и по большому счету только начинали свой жизненный путь. Да, на дворе в ту пору стояли, а точнее только наступили, те самые семидесятые, для кого — то и сегодня «благословенные», для иных — «застойные» и «непроходимо сумрачные». Что касается меня, то это как раз годы моего детства-отрочества-юности, я их помню весьма отчетливо, никаких иллюзий насчет них не имею, а также особенной привязанности и любви к ним не питаю. Почему? Сие просто данность, как-то так вот сложилось все, ни прибавишь, ни убавишь. Но именно поэтому я с неподдельным интересом читаю воспоминания о тех временах, вновь и вновь их для себя открывая. Вот и новеллы романа А. А. Яшина, рассказанные от лица двух друзей-инженеров, Николая Андреевича и его приятеля Андрея Смышляева, представляют времена «махрового застоя» вполне живо и выпукло, а главное — с мягкой иронией и любовью, искренней и не крикливой. Хотим мы или нет, но каждый из нас и каждое поколение в целом — дети своего времени, и в данном случае, пространство, то есть соответствующая окружающая среда, присутствует в данном утверждении, что называется, по умолчанию. Банально? Согласен, но забывая о подобных банальностях, мы порой способны такого нагородить в анализе и оценках, что хоть святых выноси.

Герои новелл, составляющих роман, — молодые спецы, пришедшие работать в конструкторское бюро, в очень неоднородный, даже пестрый коллектив, где полно уже состоявшихся в целом людей, с довольно обширным, порой военным, боевым прошлым. Обстановка характерная для рубежа десятилетий — вроде бы и мир давным давно, и выживать не нужно, с голода никто не помирает, работа есть, кров, какой никакой, но обеспечен, а все одно, те, страшные и трагические военные и околовоенные с обеих сторон времена, совсем недавнее прошлое, оно еще вполне живо в памяти, участники тех событий — вот они, рукой подать... Но парни и девушки особенно головы свои не морочат, некогда, текущих — насущных мелочей полны карманы, начальство пристально следит прежде всего за «обликоморале», как бы чего не позволила себе молодежь, а то пойдет «неверной дорожкой»... Да только товарищи новоиспеченные инженеры на недотеп непохожи, а напротив — люди смысленные и с юмором. И все попытки надзора со стороны начальства не воспринимают как «беспросветный канцелярский гнет и ограничение внутренней свободы». Почему? Да потому, что именно в молодости, еще не отягощенной жизненными ошибками, вынужденной житейской подлостью, величаемой жизненной необходимостью, и прочими подобными «прелестями», человек эту самую внутреннюю свободу и ощущает. И едва ли административным нажимом и всяческими запретами-ограничениями эту свободу можно пограть. До поры, до времени, безусловно. Но пока... Пока любое давление извне воспринимается без трагизма, даже напротив — с юмором, иронично и даже снисходительно, дескать, ну, что они мне могут сделать, а? В реалиях конечно сделать могут многое, но, как правило, до подобных драконовских мер доходит крайне редко, поскольку всерьез обвинить молодых инженеров по сути не в чем, даже при желании. Тогда уж нужно всех подряд косить репрессалиями направо и налево, а подобные действия уже случались на просторах одной шестой части мировой суши, они всем, включая представителей руководящей и направляющей, не просто

надоели, а испоганили жизнь, спрашивается, зачем к старому возвращаться? Конечно, молодых и повоспитывать при случае не грех, но они, молодые, тоже не лыком шиты. Вот начальству казалось, что на обеде компания тесная хлещет технический спирт, а на поверку вышло — окрошку кушает. Такие вот оказались неувловимые... А мораль из всех подобных казусных случаев одна — ничего-то им, родимым, не сделаешь толком. И то сказать, молодежь эта самая проверяющим в дети годится. Их не будет, будущее не состоится. И потом, ведь издать запретный кадастр, жизнь от сих до сих регламентирующий, можно, а будут им руководствоваться на деле?

Вот и я о том же. Внутреннюю свободу личности в повседневной жизни не извести ничем, особенно, если личность такая еще жизнью не перепугана до смерти. Вот и чертит молодой специалист по микроэлектронике, единственный в конструкторском бюро, кстати, умную схему, в которой потом особо придиричивый парторг обнаруживает абрис православного креста. Казалось бы, абсурд! Но так оно и было или, по-крайней мере, очень даже могло быть. И снимают с инженера только что присвоенную было третью категорию. И что? Да ничего, в прямом и переносном смысле. Никто не умер, даже не заболел. А ведь здесь также присутствуют штрихи времени, контекст повседневности, порой с приличной долей абсурда. Но автор описывает и подобные кунштюки не скрывая ностальгии и любви к тем, уже далеким, годам. Наверное у каждого из нас есть такое время, пусть совсем краткий его отрезок, когда мы были безотчетно счастливы. Не зря же Николаю в одной из новелл «...захотелось закричать: жизнь люблю! Катю люблю и... всех, всех на свете люблю!». Как похоже на восторженный клич Юрия Власова в его «Справедливости силы»: — Мой мир! Мой! Вот она, свобода молодости, то и дело накатывающее ощущение, что ничего невозможного в мире для тебя не существует, что тебе вселенная по плечу! Это состояние, очевидно, было весьма устойчивым, коль скоро его не могли поколебать партийный и идеологический контроль, а также иные коварства начальствующих персон, как-то: анализ слюны на окурке, выловленном, пардон, из служебного отхожего места с целью определения виновника сего мерзкого проступка, т.е. швырнувшего чинарик не в урну, а в...; и опять-таки, длительный и весьма дорогостоящий для всего КБ в целом, процесс научно обоснованного выяснения причин изменения физико-механических свойств стенок граненого стакана, вдруг разбившегося на мельчайшие кусочки, подобно стеклу после термообработки, вследствие, как оказалось, длительного употребления из него известной жидкости крепостью 96 градусов.

А эти чудесные и до сей поры незабвенные поездки на сельхозработы в колхоз! Кто сие испытал, поймет меня, тем более, что и для моего поколения уборка урожая — картошки, морковки, той же свеклы, и, главное — «редкого фрукта» (по определению Виктора Астафьева) турнепса, стала основным занятием в начале очередного учебного года еще со школьной поры. Что, спросите, в таких экспедициях хорошего? Вот так сходу, одной фразой, пожалуй, и не ответить, но сам выезд на «вольные хлеба», смена образа жизни и, если угодно, вмещающего ландшафта (в точности по Л. Н. Гумилеву), выход за рамки привычных будней, усиливали и разнообразили ощущение некоей свободы, освежали впечатления и эмоции, давали новые импульсы единения с родной землей. Слава Богу, подобные экспедиции не походили на хлопковую среднеазиатскую страду тех лет, длившуюся по полгода и более. А ведь не зря добрая половина новелл в романе посвящена именно деревенской, колхозной теме. Отчего? Да оттого, что не столь уж далеки друг от друга оказываются на деле хоть и провинциальный, но областной город, и довольно дальние по местным меркам села. Мало того, они ближе, чем может показаться. И история у них общая, да она рядом, «на дистанции вытянутой руки», в лице того же встреченного случайно Николаем во время прогулки деда Трофима — в молодости матроса крейсера «Аврора» и участни-

ка цусимского сражения. (Справедливости ради не могу умолчать о пренебрежительном и, с моей точки зрения, необоснованном и несправедливом упоминании в эпизоде общения со стариком о последнем российском государе — императоре. Очевидно, подобная оценка тоже своего рода характеристика того времени и мировоззрения многих, живших тогда, людей. А ссылка автора на «Воспоминания» С. Ю. Витте вообще вызывает удивление — доверять свидетельствам «графа Полусахалинского», человека, конечно, незаурядного, но по сути — бездушного и хладнокровного дельца, честолюбца и карьериста, для коего Россия была лишь полем деятельности во имя себя, любимого, за что и был он от дел государственных удален прекрасно его разглядевшим Николаем II, по меньшей мере опрометчиво). А в поселке неподалеку живут переселенцы с западной Украины, волей властей переброшенные в среднерусский ландшафт и вполне его освоившие, и заговорившие на чистом русском. И в самом Конструкторском бюро полно сотрудников, ныне вполне скромных и в чем-то даже комичных людей, с героическим боевым прошлым. Вот вам и сопричастность со своим народом и страной, неотрывная и естественная. Она в подтексте, автор не стремится к декларациям и лозунгам, что вполне объяснимо, не нужны они здесь, жизнь ведь не ими движется и определяется. Молодость, молодость, вот главное воспоминание повествующих, и не зря в подзаголовок романа есть пояснение «Воспоминание о будущем». О каком собственно? Да о нашем, господа читатели, ибо молодость, как и любовь, не перестает. И такое будущее, по мнению автора, должно наступить, да попросту не может не наступить. А разве молодость и любовь не об руку идут? И о той молодой любви в романе рассказано вполне подробно и очень, на мой взгляд, верно, без скабрёзности и ерничества, с иронией и юмором, в известной мере, пусть даже и о случайных, а точнее, мимолетных, так и хочется сказать — непорочных, связях, да простят меня строгие поборники нравственности. Но и такие отношения — были, есть и будут, зачем реалии утаивать и замалчивать? Нет в романе ни капли грязи на любовную тему. И появиться не могло в предложенном автором контексте, светлом и довольно солнечном.

Ну, ладно, а когда же все-таки и за что конкретно «зато мы делали ракеты»? А представьте себе, тогда же и делали. И очень хорошо делали, оттого, во многом, и живы по сию пору. Да колхозы — совхозы — природа, да гулянки и не всегда такое уж безобидное «озорство», да парадоксы партийно-хозяйственной жизни и ее активного актива, но при всем при том, работа во имя безопасности Родины. О ней подробно, в деталях, рассказывать не стоит, во-первых, не всем это покажется увлекательным — повседневный, кропотливый, очень специфический, узко специализированный, нелегкий, порой даже каторжный, труд, а во-вторых, есть вещи, которые и сегодня сокрыты от широкой аудитории всевозможными грифами. И ежели представить только, что вот зачастую вопреки, а не благодаря, все происходило, тогда и название романа приобретает характер ответа на заданный выше вопрос. Вот именно «зато»! Несмотря ни на что, то есть. И ведь очень показательно роман начинается, новеллой о пребывании Андрея Смышляева в больничной палате № 306, уже в столь многообразные девяностые, после крушения СССР и прежнего образа жизни. Аналогия тут на поверхности лежит, как не вспомнить ленинское высказывание по поводу рассказа А. П. Чехова, дескать, вся Россия — палата номер шесть. С тем, что палата № 306, для автора, в чем-то постсоветская Россия девяностых, и наоборот, спорить трудно и наверное нет смысла. Это авторский прием и авторское право на подобные приемы сомнению не подвергается. Очевидно не зря потребовалось Алексею Афанасьевичу обозначить в романе контраст между временами основного повествования и пришедшими вслед за ними, даже не смутными, а мутными и разрушительными. А контраст упомянутый на самом деле получился не просто разительным, но жутким,

катастрофическим, убийственным. Когда вдруг от преступной «прихватизации» стала рушиться «оборонка», когда закрывались предприятия стратегического назначения, когда массово гибли на корню колхозы и совхозы... Жизнь, прежняя, создаваемая десятилетиями, непростыми и нелегкими, уничтожалась на корню... Сравнение, естественно, не в пользу девяностых, и противопоставление с советскими временами (где также все совсем не просто и неоднозначно, охо-хошеньки-хо-хо!) конечно же, вполне уместно, более чем уместно, хоть и не испытываю я никакого восторга от изречения самого человеческого человека по поводу Российской империи, да и от последующих аналогий тоже. Хлестко сказано, но ведь софизмы всегда отличаются отточенностью и резкостью. Но речь сейчас не о моем частном мнении, а о совершенно иной характеристике, данной жизни в тех же семидесятых, например, Сергеем Довлатовым, и в личном плане, и вообще. «Я шел и думал — мир охвачен безумием. Безумие становится нормой. Норма вызывает ощущение чужда...» (С. Довлатов, «Заповедник») или «Безумие приобретало каждодневные, обыденные, рутинные формы» (С. Довлатов, «Наши»). Наверняка найдется дотошный и въедливый читатель, который, хмыкнув снисходительно, изречет, дескать, как же быть-то с иными мнениями о столь любимых автором временах? Вот, пожалуйста, совсем иные картины. Правильно, но мне кажется, что безумия и абсурда хватало, хватает и будет хватать во все века и времена. А вот принимать его или не принимать, что считать оным, а что нет, сносить безумие или... дело весьма неоднозначное и крайне субъективное, зависящее вдобавок от огромного количества побочных, иногда сиюминутных, факторов. Оттого-то и подчеркиваю я вновь основное, на мой взгляд, достоинство романа — автор сумел внятно, ярко, но без экзальтации, убедительно передать субъективное ощущение того времени, ощущение человека безусловно внутренне свободного и пока еще свободу такую не утратившего. Да — да, именно «...как молодцы мы были, как искренне любили, как верили в себя!» Все правильно, пусть и строки известной песни порядком «заезжены», и не все столь идеально шло, как написано. Не стоит забывать, что художник вправе создавать в произведении свой неповторимый мир, даже описывая реально происходившие события. И не могу утверждать, что уважаемый Алексей Афанасьевич этим правом не воспользовался.

А в итоге получилась прекрасная книга, искренняя, интересная, живая, и предназначенная для самого широкого круга читателей. С чем я от всей души и поздравляю автора. А еще, никому, ни нам, ни врагам, ни друзьям нашим, не стоит забывать вот о чем — что бы с нами не происходило, как бы нас не мотала судьба и объективная реальность, мы имели и имеем право с гордостью произнести: «Зато мы делали ракеты!»

Текст книги размещен на сайте <http://www.pz.tula.ru>

г. Мончегорск Мурманской области.

